

Агенты небытия: Онтология рабочего класса XXI века

Сергей Григоришин ¹

***Аннотация.** Это эссе основано на личном опыте работы украинского мыслителя на польских складах в 2023–2024 годах, предлагает радикальное переосмысление понятия пролетариата в XXI веке. Автор вводит концепцию «экзистенциального пролетариата» — категории людей, осознающих смысл собственного бытия в условиях физического труда и позднекапиталистической эксплуатации, отличая их от классического пролетариата и прекариата. Синтезируя марксизм и экзистенциальную философию, автор анализирует механизмы порабощения через управление вниманием, мышлением и памятью рабочих, разоблачая «агентов небытия» внутри самого пролетариата. Текст представляет собой редкий пример философской рефлексии изнутри рабочего класса, где пролетарий обретает собственный голос вопреки академической традиции говорить о нем со стороны.*

***Ключевые слова:** общее знание, общий (коллективный) опыт, рецептурное знание, вещное знание, знания-представления, агенты небытия, экзистенциальный пролетариат*

Предисловие

При подготовке текста к публикации мне предложили написать предисловие, чтобы раскрытые здесь факты оказались в соответствующем историческом контексте. Сначала мне было тяжело даже подойти к описанию травматичного опыта двухлетней давности, однако постепенно я втянулся и не заметил того, как предисловие к «Запискам пролетария» обрело угрожающие размеры полноценного высказывания. По совету некоторых моих друзей я переделал структуру этой публикации, вследствие чего вместо одной части получилось две. Первая часть написана в сентябре 2025 г. и представляет собой спонтанно возникшие мемуары. Вторая часть — это непосредственно «Записки пролетария». Хочу заранее предупредить: в моей брошюре вы не встретите апологии пролетариата. Даже наоборот, здесь

---

¹ Сергей Григоришин — канд. филос. наук. Научные интересы: феноменология, экзистенциальная философия, современные онтологии, философия кино. Telegram-каналы: «Философия кино» <https://t.me/PhilosophyOfCinema>; «Existenzphilosophie» https://t.me/existenz_philosophie. YouTube-канал: [Sergey Grigorishin](http://www.youtube.com/@SergeyGrigorishin), <http://www.youtube.com/@SergeyGrigorishin>.

представлена тотальная критика классического пролетариата. Немного я критикую и прекариат, хотя прямо с ним в годы работы в Польше я не пересекался. Центральное понятие моей социальной философии – это понятие экзистенциального пролетариата, к представителям которого я, естественно, отношу и себя. А главное в этой работе то, что пролетарий высказывается от своего лица, получает трибуну, обретает свой голос. Ведь ясно же, что социальные антропологи, в бесконечном ряду монографий транслирующие якобы позицию пролетариев, на самом деле живут в полном подчинении капиталистов. Тех самых капиталистов, которые одной рукой воруют труд пролетария, а другой рукой выдают ученым гранты на исследования причин возникновения социальной несправедливости между угнетающим и угнетенным классом.

Часть 1. ОДНАЖДЫ В ПОЛЬШЕ

Глава 1. Воспоминания

«Записки пролетария» были написаны весной 2024 года в польском городе Познань. В то время я был обычным украинским рабочим на складе одежды одной всемирно известной фирмы по продаже одежды. В июне я принял решение уволиться с работы и уехать из Польши в другую европейскую страну, а уже в конце июля, после больших колебаний и неуверенности в правильности своего поступка, я переехал жить в Германию.

В Польше на складах одежды и мебели я проработал в общей сложности один год, гораздо меньше, чем тысячи моих собратьев по несчастью. Впрочем, назвать собратями людей, с которыми я впервые в жизни столкнулся в Польше, вероятно, нельзя. Привычные к физическому труду, старые и молодые, женщины и мужчины, украинцы, белорусы и молдаване, все они одинаково видели во мне интеллигента, непонятно почему взявшегося за тяжелый физический труд.

Первые полгода работы я не особо замечал отношение к себе, поскольку не искал конфликтов и даже наоборот, старался найти взаимопонимание с другими работниками, однако постепенно все стало на свои места. Классовая ненависть проявилась в полную силу уже на заре первых дней работы, то есть задолго до начала настоящих конфликтов. В процессе долгой подковерной борьбы за право считаться человеком я вынес одно знание, коим до сих пор горжусь – я не отдал всем этим людям право только их называть пролетариями.

В центре «Записок» лежит различие классического пролетариата, прекариата и экзистенциального пролетариата. Последнее понятие, несмотря на стилистическую и концептуальную несуразность, стало важнейшим моим достижением в философском осмыслении положения дел, в котором я внезапно оказался.

Экзистенциальный пролетарий – а я с полным правом могу себя так называть – идеологически вытравлен из социальной теории и никогда и никем не был отрефлексирован в первой четверти XXI века. Мне всегда казалось странным, что

существует огромная дистанция между социальными теоретиками прошлого века и исследователями на ту же тему в наши дни. Сейчас не считается зазорным брать деньги у капиталистических фондов (а есть ли другие?) и при этом как ни в чем не бывало размышлять о равенстве и неравенстве. Экспроприация ведь возможна не только по вертикали, но и по горизонтали тоже. Дети из благополучных семей, никогда не державшие в руках молоток или лопату, получают хорошее образование в престижном университете, и там такой же буржуй-профессор предлагает им взять тему по социальной философии. У меня всегда возникает один и тот же вопрос: а никого не смущает, что эти опытные и молодые ученые были воспитаны и образованы в буржуазной среде, выполняют исследования на деньги крупной буржуазии и уже тем самым транслируют беспрецедентную лояльность к вражескому с точки зрения пролетария классу? В своей университетской жизни я видел десятки, даже сотни подобного типа ученых, гордящихся своим навыком изучать тему бедности и социального неравенства. При этом на них вся одежда, сделанная пролетариями, упакованная пролетариями, привезенная в магазин пролетариями и проданная этому профессору-буржуа.

Вы уже, вероятно, догадались, что у меня пролетарское происхождение, и мой вход в науку сопровождался постоянным противоречием между словами и делами в академическом сообществе. Выше как раз даны примеры. А когда наконец я попал в реальное пространство капиталистических отношений, где труд пролетария ценился в копейки, я, конечно же, был уверен в том, что мы друг друга пойдем. Однако получилось иначе, ровным счетом наоборот. Между мной и «настоящими» пролетариями почти сразу возникла вражда, и чем более строго я обличал рабскую сущность в их поведении и мышлении, тем резче мне давали отпор.

Но давайте обо всем по порядку. Эта история началась три года назад, когда 2022 год перевернул жизнь всех людей. В июле 2023 года я решил на эмиграцию. Мне уже тогда стало понятно, что место в любом европейском университете мне будет получить крайне сложно, а значит, впереди маячила реальная перспектива стать обычным разнорабочим. Так и произошло.

Сейчас я с грустной улыбкой вспоминаю, как строил планы после полного рабочего дня до ночи заниматься наукой. Первое столкновение с реальностью вне академического мира меня сильно отрезвило. Я узнал, что значит работать в три смены. Трудности первых недель работы, когда из задорного человека средних лет я превратился в аморфную сомнамбулу, я связывал с отсутствием привычки к подобным занятиям и адаптацией к предложенному рабочему графику. И я на сто процентов был уверен, что через месяц обязательно втянусь и никто меня даже при ярком солнечном свете не отличит от другого обычного пролетария.

Как уже ясно из тональности моего рассказа, мечтам было не суждено сбыться. Моя жизнь мягко была перетянута в рабочее пространство, а личная жизнь превратилась в вегетативное существование. Нотку драматизма во все происходящее добавляло еще одно мое наблюдение. Невооруженным глазом было заметно, что *работа так тяжело давалась одному только мне*. Я видел, как многие хитрят на

рабочем месте, старался сделать подобным образом, но меня, в отличие от моих случайных «учителей», в минуту вычисляли.

Одно свойство моего характера еще более усугубляло постепенно сложившуюся ситуацию. Люди вокруг меня, обычные рабочие, естественным образом создавали неформальные группы, маленькие соперничающие и враждующие кланы. Я же всегда был одиночкой, и у меня не было ни желания, ни возможности встроиться хоть в какую-то группу. Мне это напоминало даже не школу, а детский сад, где были похожие отношения между людьми. Но одно дело – ребенок 4–6 лет, другое дело – уже сложившиеся личности, с большим жизненным опытом, семьями и прочее. В одной из записок я касаюсь этой темы.

Сложности были не только по горизонтали, но и по вертикали. Каждую группу рабочих опекал прораб 20–25 лет, парень или девушка, очень гордые своим положением и возможностью командовать другими людьми. Их официально называли *лидерами*.

Лидер выполнял одновременно несколько ролей. Ему вменялось в обязанность давать задание работникам и контролировать качество выполненной работы, самостоятельно определять, кого из работников вызывать в дни, когда работы на складе было крайне мало, наоборот, привлекать к работе максимальное количество людей, когда работы было слишком много. Но главная задача лидера была совсем незаметной. Ему поручалось транслировать нарративы большой компании (сами лидеры работали на посредников, предоставляющих компании работников, заключая с ними временные контракты).

Нужно отметить, что изредка среди лидеров встречались люди, смотревшие на меня, интеллигента, с некоторой долей сочувствия. К сожалению, такие лидеры попадались мне очень редко и большей частью в первые полгода работы в Польше.

Надо упомянуть еще один важный фактор. Первый месяц работы на складах был самым сложным, но, очевидно, что со временем определенная адаптация произошла. Я понимал основные требования, в меру своих сил выполнял поставленные лидером задачи. А поскольку люди на работе постоянно менялись, мне было не сложно перейти в разряд «опытных» рабочих.

Был даже непродолжительный отрезок времени, когда работы на складе было мало, и мне удалось за сентябрь-октябрь 2023 посетить туристом семь польских городов: Варшаву, Краков, Лодзь, Вроцлав, Гданьск, Щецин, Торунь. В список следует включить и Познань, где я не только жил, но и посетил все более-менее известные достопримечательности. За год жизни в Польше я не успел посетить только самый отдаленный от Познани город Люблин.

Собственно, к концу октября все мои путешествия прекратились, и я вошел в полосу тяжелой, серой и неблагодарной жизни. Я ушел с одного склада и перешел на новый. Там условия труда оказались существенно хуже.

В «Записках пролетария» я пишу о столовой, где рабочие не только обедали, но и проводили приблизительно час перед работой, так как нас привозили сильно раньше начала рабочего дня.

Так вот, на втором рабочем месте даже эта небольшая радость исчезла. Хотя это был такой же склад, но по духу это скорее был типичный завод. Отражалось это на всем, особенно на столовой и обедах. Но это было потом. Сначала же новое место казалось раем. Нас набрали под сезон активных распродаж, работы было много, и любое сравнение с прежним местом работы на ту минуту казалось полностью в пользу нового.

Приведу несколько примеров. Как только мы вышли на рабочую смену, нас ждало нечто необычное. В цеху громко звучала музыка, а на рабочих сканерах нам еще и разрешали подключаться к интернету и слушать песни. В рутинном, относительно тяжелом труде вдруг возникали паузы, и нас приглашали в очередь за попкорном. Каждую неделю проходили лотереи. Например, я выиграл бутылку вина и странного вида цветные носки.

Чудеса продолжались недолго, приблизительно месяц, и когда сезон распродаж внезапно был завершен, одновременно закончились лотереи, музыка и попкорн. Поползли слухи, что людей массово будут увольнять. Самые ушлые стали выполнять и перевыполнять норму. Забавно было увидеть, как этих людей уволили самыми первыми.

К тому времени я уже прикинул, что конкурировать с более молодыми, физически сильными и привыкшими к активному физическому труду работниками я не могу и не хочу, а потому я продолжил свой труд в прежнем объеме, с сохранением прежней динамики. У меня было совсем немного приятелей, но и тех стали одного за другим увольнять. Мне казалось невероятным чудом, каким-то божественным знаком свыше, что я так долго смог продержаться. А зря. Следующая волна увольнений смыла и меня тоже. По какой-то случайности мне удалось не уволиться, а перейти в другой цех того же склада.

Глава 2. Понятие экзистенциального пролетариата

Тогда и настал самый тяжелый период моей польской жизни. Из разнорабочего меня перекалфицировали в грузчика. Моя основная работа состояла в том, чтобы вместе с напарником (а работали мы по три-четыре человека в бригаде) выгружать из фур большие и очень тяжелые диваны. Работа шла иногда сложнее, иногда проще.

Однако главной проблемой была не тяжелая физическая работа, а общение с пролетарским коллективом. В отличие от обычных складов, где каждый был сам по себе, выполняя индивидуальную задачу, здесь мы все время находились вместе и были вынуждены много общаться. Мы обязаны были создавать рабочие бригады. Так был выстроен рабочий процесс.

Здесь впервые за время работы в Польше я подвергся серьезной травле, хотя и лучший человек, с кем когда-либо я работал, тоже был именно здесь. Это был старый поляк приблизительно 65 лет. Мы уволились с ним почти в один день. Последний раз

я видел его, когда он забрал меня с работы на своей машине и рассказал, что у него на днях будет серьезная операция. С тех пор я его больше не видел.

Возвращаясь к основной мысли. Необходимость постоянно общаться привела к тому, что я стал вслух высказывать мысли о том, что мы выполняем рабский труд, недостойный человека. Несложно предсказать, какую реакцию вызвало такое суждение. Травля усилилась втрое. За спиной я слышал смешки и нелюбезные высказывания в свой адрес.

Сопротивляться психологическим издевательствам было практически невозможно, и тогда я сделал лучшее из того, что я мог – завел канал в телеграме, где стал выкладывать свои наблюдения о жизни рабочих. Канал я назвал «Записки пролетария».

Когда я стал писать, мне вдруг пришло осознание, что это могут быть не просто дневниковые заметки, а самая настоящая социальная философия в духе франкфуртской школы. Опыт ученого и опыт рабочего как никогда удачно сошлись во мне. Тексты получились очень живые, и, к моему удивлению, я вдруг неожиданно для себя стал очень читаемым автором.

Конечно, в «Записках» я изливал свою боль, но было там и что-то более важное. Мне удалось подняться на достаточный уровень абстракции, чтобы объяснить для себя и своих читателей новый социальный договор между капиталом и рабочим классом. Я давно разделял левые убеждения, хотя всегда чувствовал свою дистанцию с пролетариатом. А еще я сильно был увлечен, буквально с подросткового возраста, экзистенциальной философией, и мне всегда казалось, что синтез марксизма и экзистенциализма в работах позднего Сартра был шагами не туда.

И вот у меня самого вдруг возникла возможность объединить два философских направления в одном тексте, причем не абстрактном, а основанном на реальных событиях. Читатели этой брошюры, вероятно, заметят огненный стиль письма, в привычных и нормальных обстоятельствах мне чуждый. Даже это предисловие, нацеленное на погружение читателей в контекст создания «Записок», уже далеко от афористичности и меткости формулировок, возникших во времена сильного душевного потрясения.

Не могу оставить без внимания еще один любопытный факт. «Записки» я начал публиковать еще до увольнения со склада, где я работал грузчиком. Среди работников было два-три человека, подписанных на мой канал. В какой-то момент я понял, что язык мой – враг мой. Кто-то из подписчиков с вероятностью ста процентов копировал и пересылал мои посты нашему «дружному» рабочему коллективу. Только представьте себе, насколько умножилась с их стороны ко мне ненависть, когда они узнавали себя в примерах и в хлестких формулировках.

Но эта, с позволения сказать, «интерактивность» тоже имела свои позитивные результаты. Спровоцировав коллектив на рефлексию о них самих, я вдруг обнаружил раньше мне незаметную черту характера пролетариев. Все *они жили в онтологии, основанной на ничто*, и работа давала им надежду на выход из небытия, а значит, мои злые и саркастические заметки били в самое нутро.

Сказать, что я был счастлив, значит ничего не сказать. Мне удалось расколоть монолит этой тяжелой формы существования, куда я был волею судеб вовлечен. Оказалось, что эти люди, простите за самоцитирование, были «агентами небытия». Осознание этой истины, внезапно осенившей меня во время написания очередной записки, вывело мои размышления на новый, ранее неизвестный мне уровень. Стремление говорить о своей экзистенции привело к пониманию, что вокруг не рабочие, не пролетарии, а именно *антиэкзистенции*.

Внезапно пришла новая мысль, что мне необходимо, и желательно как можно скорее, пересобрать весь понятийный аппарат «Записок», однако не меняя к тому времени уже написанных текстов. *Классификацию пролетариата в онтологическом преломлении и выделение экзистенциального пролетариата я считаю самым существенным достижением.*

В то же время я далек от мысли, что читатели в будущем станут размещать акценты точно так, как делал я. Видимо, описания реалий быта могут затмить созданный мной категориальный аппарат, а яркие символы и метафоры со временем поблекнут и не смогут удерживать заряд энергии, заложенный мной в каждую формулировку. Однако я уверен, что «Записки» уже сейчас могут стать важным историческим документом, может быть, в какой-то степени сравнимым с брошюрой Карла Корша «Марксизм и философия». Я даже не удивлюсь, если увижу, что похожие тексты вроде моих «Записок» будут публиковать и другие авторы с похожим опытом. Возвращаюсь к повествовательной части предисловия.

Глава 3. Сопrotивление

В мае я вернулся работать на первый склад, с которого начинал свой трудовой путь в Польше. К тому времени я стал немного другим человеком, более суровым, собранным и уже готовым атаковать первым. Возвращался я без любых иллюзий и понимал, что долго на складе не останусь. Уже тогда была мысль переехать из Польши в Германию, но разные причины не позволяли сделать мне этот важный шаг.

Где мне не хватало собственных внутренних сил, там внезапно помогли обстоятельства на работе. Мой первый рабочий день на новом старом месте был отмечен большим конфликтом с лидером. Меня могли уволить в первый час работы, но решили оставить до конца смены. Проблема была в том, что я наотрез отказался работать в одном из цехов. Конечно, это сразу же повлекло за собой самые серьезные последствия. Начальство вызвало меня на разговор, и я почувствовал себя каким-то закоренелым уголовником-рецидивистом. Шутки шутками, но в моей жизни наступил момент, и я это остро почувствовал и мгновенно осознал, что я уже не гожусь на роль жертвы. Когда я вошел в кабинет, по углам у компьютеров сидели молодые люди 20–30 лет. Всех их я так или иначе знал, пересекался с ними на разных этапах своего трудового пути. С их стороны я заметил смесь удивления и настороженности. Злобы не было, она осталась в цеху вместе с пролетариями. Они попросили меня раскрыть свою позицию, предложить аргументы в защиту своей точки зрения. О боги, меня наконец-то кто-то попросил работать мозгами, а не руками. Дело было за малым — не дать начальству шанс заранее сговориться и сложить мнение обо мне до того, как я бы стал излагать свои взгляды.

Я им объяснил простые вещи. Меня хотели заставить делать другое, чем было изначально. Когда я возвращался на склад, я попросил не ставить меня на одно конкретное место, и тогда это же начальство в устной форме со мной согласилось. Уже потом, намного позже, по сарафанному радио я узнал, мол, вышел новый работник и сразу начал качать права. Мои собеседники никогда не догадывались, что речь шла обо мне. Иногда ради смеха я говорил им, кто был тем самым работником, тогда мои собеседники немного смущались и переводили все в шутку. Теперь объясню, что же конкретно произошло.

Поскольку я хорошо знал свои обязанности и учить заново меня было не нужно, я быстро сориентировался в обстоятельствах и не брал никакой тяжелой работы. В том числе я не пошел и туда, куда вопреки договоренности меня направили. Я послал подальше своего лидера, а он ответил мне, что я работаю здесь последний день. Я ему ответил: посмотрим. Сразу скажу, я проработал на старом новом месте два месяца и ушел по собственному желанию. Причем последнее — это не бюрократическая форма, скрывающая увольнение, а именно мое личное нежелание работать на складе. Забавно сейчас вспоминать их угрозы, вроде тех, что они снова меня не возьмут. Мыслями я был уже далеко.

Да, оперившись после года истязаний, я конфликтовал много, но всегда по делу. В какой-то момент это поведение стало приносить мне удовольствие. Параллельно и очень активно писались «Записки». Очевидно, что работники шарахались от меня как от чумного, но я продолжал настаивать на своем. Психологически было сложно, зато физически легко. К тому же я освоил одну из работ, куда никто особо идти не хотел, тогда как у меня она шла довольно хорошо. В целом эти два месяца оказались относительно легкими.

К тому времени на складе ужесточили внутренние правила. Например, на конкретном рабочем месте работнику нужно было стоять и нельзя было садиться. Я это правило не соблюдал. Вообще было чувство, что я понял что-то настолько важное о капитале и пролетариате, что пришло время менять жизненную траекторию. Так и произошло. Уже в начале мая я был морально готов уйти с работы, а к концу июня сообщил, что не стал продлевать контракт, и ушел. Весь июль я отдыхал, думал о переезде в Германию, и уже к концу месяца я навсегда уехал из Польши.

В мае, июне и тем более июле 2024 года я уже не чувствовал себя настолько плохо, как это было в марте и апреле. А потому сначала выход «Записок» замедлился, а вскоре окончательно остановился. Все тексты я собрал в один документ и уже тогда хотел их опубликовать. Но жизнь и бытовые проблемы в Германии заставили меня на время забыть о своих планах относительно публикации, тем более к тому времени я полностью переключился на новые темы. А канал «Записки пролетария» был переделан в «Философию». Там я некоторое время публиковал тексты по истории философии, но вскоре потерял к этому интерес.

Как часто бывало в моей жизни, импульс издать «Записки пролетария» шел от Михаила Минакова, известного украинского философа и моего учителя. Сейчас, публикуя этот текст в альманахе *Κοινή* и в надежде издать «Записки» отдельной

книгой, я надеюсь на возможность выхода к широкой публике неравнодушных людей, испытавших ту же боль, которую испытал в свое время я.

Глава 4. Травматичность текста

В завершение первой части я бы хотел отметить еще очень важную для меня деталь. Мне почему-то тяжело сегодня перечитывать эти тексты, хотя я был обязан их перечитать хотя бы перед новой публикацией. Сложно описать это странное чувство. Легче думать о тех, вроде бы совсем недалеких временах, вспоминать контекст написания, но перечитывать означает заново вводить себя в неприятное, довольно болезненное состояние.

Честно признаюсь, у меня нет желания снова испытывать все то, что я испытал во время работы в Польше. И тем не менее я отдаю себе отчет в том, что подобный опыт обязан быть отрефлексированным. Людей с нижних этажей социальной иерархии никогда никто ни о чем не спрашивал, да и сами они не спешат получить трибуну для того, чтобы их услышали. Но я-то хорошо понимаю, что не являюсь голосом масс и что мой взгляд на пролетариев выглядит не так, как изначально было задумано. Вместо апологии получилось обвинение. Обвинение в том, что люди, пустившие свою жизнь на самотек, без задней мысли и злого умысла покусились на самое святое – бытие другого.

Мой текст – это попытка отбиться от людей, не знающих ничего о собственной жизни и насильно вписывающих меня в контекст их узкого мировоззрения. Эти люди, забитые и неумные, умудрялись портить жизнь людям, тем людям, кто, по Хайдеггеру, понимал смысл своего бытия. Понятное дело, что они не ждали того, что интеллигент вдруг станет отбиваться от них самым действенным способом – словами. И теперь, зная пещерную сущность пролетариата, мне приходится делать над собой усилие, чтобы не стать мизантропом и не злорадствовать, как очередной суверен делает их жизнь все тяжелее.

Тяжело перечитывать свой текст еще и потому, что он слишком личный. Сначала я даже писал эти тексты в форме дневника, и меня жутко пугает, если я найду хотя бы одну формулировку, где происходит обращение к дневнику как собеседнику. Мне вообще мало свойственно рефлексировать о себе в дневниковых записках. Вести дневник я никогда не умел, а значит, и не хотел. Мне всегда казалось, что в таком способе писать есть что-то глубоко пошлое, хотя, естественно, многие люди пишут дневники, и это для них нечто важное. Но я точно сейчас понимаю, что дневник точно не мой стиль письма.

«Записки» содержат элементы экзистенциальной философии, отражающей новый тип экзистенциального мыслителя. Как не нужно искать прямых параллелей между Кьеркегором и, допустим, Габриэлем Марселем, так и современного экзистенциалиста не стоит сравнивать с героической эпохой Хайдеггера и Ясперса. Понятно, что мы – и я в том числе – всем им не ровня. Масштаб мысли был настолько другого качества, что, видимо, нам нужно еще сто лет эволюции, чтобы научиться мыслить, как мыслили философы сто лет назад.

Признаюсь честно, меня мучает тот факт, что записки остались записками и не получили развития в философской системе. У меня есть свой внутренний диалог с мыслителями тех давних лет, и мне стыдно, что моих способностей, хотя я уже человек взрослый, не хватает на то, чтобы выразить большее, чем я уже смог.

Но, как и везде, есть обратная сторона. Больше двадцати лет я наблюдаю картину, как из любого утюга высказывается кто угодно, но голоса, близкие моему пониманию бытия, там, как будто в результате какого-то тайного сговора, отсутствуют. Осознание этого факта побудило меня больше не откладывать в долгий ящик публикацию предложенного ниже текста, а сделать это прямо сейчас.

Хочу признаться, что с трудом понимаю, кто бы мог быть целевой аудиторией «Записок». Интеллектуалы, не имеющие опыта, подобного моему, вряд ли обратят внимание на мои рассуждения. Пролетарии, мои собратья по несчастью, тоже не на моей стороне. Вдруг им случайно попадется на глаза эта брошюра и они ее прочитают (в чем я, конечно, сомневаюсь), они обозлятся еще сильнее, потому что я пришел к пониманию их сущности, тогда как они сами никакого представления о себе не имеют. Они, конечно, будут считать, что я вынул из них душу и прошелся по ним как по асфальтированной дороге, оставив по себе недобрую память. Пусть так, но я, как и раньше, уверен в том, что я имею право на свободу слова и не понимаю, почему бы мне этим правом не воспользоваться.

Когда я искал фотографии того периода, то с удивлением обнаружил, что, кроме фотографий из польских городов, где я в качестве туриста посещал музеи, практически никаких «документов эпохи» не осталось. Всего лишь одна – одна! – фотография тех дней была сделана на складах. Это фото для меня ценно еще и по той причине, что сделано оно было в марте-апреле, когда я опубликовал лучшие из записок. Надеюсь, что авторы брошюры, если она выйдет отдельным оттиском, поместят это фото на титул книги. Тогда все сложится, и мое сердце будет спокойно.

Германия, Балинген, 9–30 сентября 2025 г.

Часть 2. ЗАПИСКИ ПРОЛЕТАРИЯ

ВОПРОС № 1: Почему недостойные управляют достойными?

Записка от 16 марта 2024 года

Чтобы ответить на этот вопрос, сперва необходимо ответить на возможное возражение, что, мол, определение людей по критерию достоинства – дело субъективное. Об объективности и субъективности могут рассуждать лишь те, отвечая на это возражение, кто имеет собственное определение понятий объекта и субъекта.

Наличие подобных определений в сознании человека наделяет человека субъектностью, в том числе и правосубъектностью. А последняя открывает возможность постановки вопроса о субъективности тех или иных тезисов. Обладающий субъектностью индивид не будет возражать против распределения субъектов по критерию их достоинства.

Итак, преодолев первое возражение, движемся дальше. Ответ на вопрос о том, почему недостойные управляют достойными, находится в предыстории отношений достойных с недостойными и недостойных с достойными.

Существование этой предыстории действительно доказывается современным положением вещей. На каждом шагу, в любой сфере жизнедеятельности людей мы сталкиваемся с тайной силой и, как следствие, с властью недостойных подчинять себе достойных. Тайну этой силы невозможно раскрыть непосредственно, опираясь только лишь на личный опыт, ибо осмысление непосредственного личного опыта заводит в тупик.

«Такова жизнь», — говорят достойные, находящиеся под властью недостойных, и в бессилии разводят руки.

Тайну властвующей силы нельзя понять не только из настоящего, но и из будущего, поскольку такое размышление о будущем имеет только две точки опоры: непосредственное наблюдение в настоящем, как оно есть, и фантазии на тему того, как оно должно быть в будущем. Только прошлое способно раскрыть тайну власти недостойных над достойными.

Человек образованный может сказать, что уже существует теория, где подобная власть описывается из предыстории, и это теория общественного договора (Гоббс, Локк, Монтескьё, Руссо). К сожалению, в нашем случае эта теория неприменима хотя бы по той причине, что она как раз создана достойными и действовала в том мире, где достойные правила недостойными, то есть эта теория имела смысл лишь до того судьбоносного момента, когда всё перевернулось с ног на голову.

Записка от 17 марта 2024 года

Продолжаем наши размышления. Итак, мы разбираем вопрос о том, по какой причине недостойные управляют достойными, а также о том, как сделать так, чтобы достойные получили перевес в борьбе с недостойными. Мы пришли к предварительному выводу, свидетельствующему о наличии предыстории в истории взаимоотношений одних с другими.

Нам нельзя воспользоваться теорией общественного договора, поскольку она создана достойными для обоснования управления недостойными. Мы же сталкиваемся с ситуацией, когда недостойные управляют достойными без какого-либо теоретического обоснования своей правоты. Любое намерение достойного открыть тайны недостойного остановлено загадочной улыбкой, которая нам намекает на некий фатализм подобного рода отношений.

Нельзя искать ответ извне и тем более наивно вопрошать о причинах рабства у своего господина. Все ответы находятся прямо здесь, во мне самом, осмысляющем положение вещей и в состоянии понять себя самого как конкретного «я есть». Следовательно, есть причины и основания погрузиться в предысторию отношений

достойных и недостойных, чтобы понять, по какой причине достойные оказались под властью недостойных, и есть ли «вина» достойных в подобном положении дел.

Изложение этой предыстории нужно начать с одного замечания, устанавливающего разграничение между достойными и недостойными на самом элементарном уровне – уровне мышления. Достойный обладает способностью следить за мыслью и удерживать суть этой мысли так долго, как это потребует (как субъект мысли). Достойный не устаёт от мысли, но устаёт от болтливости бытия как недостойного способа быть.

Достойный способен в каждом предложении выделить главное слово и наделять его качеством понятия. Достойный способен на письме отразить свой личный опыт и переживания, выразить его настолько точно, чтобы он резонировал с личным опытом других достойных. Критерием достоинства будет и то, способен ли человек выйти на ход размышления достойного и следить за ходом его мысли (как объект мысли). Эти четыре критерия послужат человеку своеобразным тестом для самоопределения и отождествления себя с одной из двух ключевых для нашего размышления категорий.

Предыстория достойных, описывающая, как они из свободного состояния попали в состояние рабов, подразумевает однозначное толкование сущности достойных людей. Чем достойные достойны? Достойные являются достойными либо благодаря тому, что родились свободными, то есть являются свободными по природе, по праву рождения и по происхождению, либо благодаря тому, что, родившись несвободными, им удалось завоевать свободу и сохранять её до момента поражения и утраты этой свободы.

Достойные по происхождению – это монархи, пэры, графы, шляхта, одним словом – аристократы. Aristos по-гречески и означает достойный, благородный, kratos – переводится как власть. Всё сходится: аристократия – это власть достойных. Применимо ли это определение к нам, пусть каждый решит самостоятельно.

Второе определение свободы достойного состоит в возможности завоевания такой свободы. За примерами далеко ходить не надо: буржуазные и пролетарские революции как раз и были борьбой за свободу достойных и освобождения себя от правления недостойных. Но опять же, применимо ли это определение к нам самим? Мы не участвовали в сражениях на баррикадах ни в 1789 г., ни в 1830 г., ни в 1848 г., ни в 1871 г., ни в 1917 г., ни в 1968 г., ни в 2018 г. Опыт отвоёвывания свободы нам незнаком.

Тогда на каком основании мы утверждаем, что являемся достойными? Может быть, как раз всё справедливо, и мы, неспособные преодолеть наших внутренних демонов, неспособные руководить собственной волей и подчинить себе жизненные обстоятельства, может быть, мы и в самом деле недостойные?

Может быть, нам нужно принять как факт своё состояние несвободы и словами «а что делать?» и «по-другому быть не может» прекратить предаваться мечтаниям и химерам? Может, стоит очнуться от блаженных размышлений о себе и с упорством, достойным только раба, заново преодолевать очередное препятствие и

просто выживать кто как может? Да, это выход для тех, кто считает, что выхода нет, и облагораживает своё безволие.

Записка от 22 марта 2024 года

Итак, предысторию утраты инициативы достойными и её перехват недостойными мы решили поместить в прошлое. Но ведь прошлое – это только предикат без субъекта, а субъектом этого предиката будет время. В прошлом времени располагаются не одна, а сразу две предыстории, идущие параллельно друг другу.

Прошедшее время, как и всё время в целом, существует как время отдельного индивида, так и коллективно, когда оно протекает одновременно через всё общество. В первом случае утрата свободы достойными требует погружения в личный опыт индивида, во втором же обязывает нырнуть в конкретный исторический процесс.

Несмотря на наличие указанного водораздела в толковании прошлого, оба измерения времени приводят к одним и тем же началам и причинам. Всемирная история, история всего человечества, а следовательно, и каждого коллектива видится необъятной по охвату, а значит, детальный разбор интересующей нас проблемы предсказуемо заведёт нас в дурную бесконечность.

Я ограничусь лишь одним соображением, пусть лишь намекающим на ответ, но зато способным сэкономить драгоценное время. Осью истории, главной датой, хранящей тайну коллективной утраты свободы достойными людьми, может считаться 1918 г., а волны от этой даты расходятся от 1917 по 1924 годы. Обратите внимание на то, что как раз к этому времени относится первый опыт философии истории свободных. Речь, конечно же, о первом томе «Заката Европы» Шпенглера. Если представится такая возможность, я раскрою этот сюжет в подробностях.

Сейчас же имеет смысл остановиться на индивидуальной истории достоинства. Наше прошлое как прошлое конкретного индивида можно рассматривать, опять же, под разными углами зрения, которые в общем-то можно свести всего к двум: к теоретической и практической оптике. Нам свойственно хвататься за практику как менее абстрактную и более понятную.

Разговор в дружной компании единомышленников проходит легче, когда сюжеты вертятся вокруг истории, политики и экономики. Гораздо сложнее поддерживать разговор на высоком уровне абстрактного мышления. Стоит ли говорить, что именно неумение, а чаще нежелание мыслить на теоретическом уровне служит самым точным маркером самоуничижения достойных?

Ответ на вопрос о достоинстве достойных находится в теоретической плоскости. Я бы назвал это триединым знанием, поскольку оно охватывает три теории: теорию познания, учение о мышлении и учение о бытии. Мы, конечно, имеем право отказаться от теоретического осмысления проблемы о потере свободы людьми достойными и о подчинении их недостойными. Однако на чаше весов взвешена наша судьба, а значит, любые преграды могут быть преодолены, была бы только воля осуществить свободный выбор между рабством и свободой.

Чтобы продолжить ход своих рассуждений и постичь основание нашей несвободы на уровне познания, мышления и бытия, я должен сделать краткое отступление. Вы, вероятно, обратили внимание на предпосылки, заложенные в основу моих размышлений.

Раз этот дневник — дневник пролетария, значит, тот, кто пишет его, разделяет убеждение о разделении социального мира на два класса: буржуазию и пролетариат. Следовательно, буржуазия в этих медитациях выступает в функции эксплуататоров. Пролетариат же функционирует как эксплуатируемый класс.

Далее, поскольку основной вопрос состоит в том, почему достойные находятся в подчинении недостойных, это значит, что достойными я считаю эксплуатируемый пролетариат, а недостойными — понукающий пролетариатом буржуазный класс. Эта предпосылка верна, однако ни в коем случае не отражает сложность взаимодействия достойных и недостойных.

Нужно ли скрывать, что весомая часть пролетариата «по букве» не есть пролетариатом «по духу»? Мало ли среди пролетариев штрейкбрехеров и стукачей, готовых продать ближнего за десять злотых? И наоборот, не видим ли мы среди буржуазии людей, сочувствующих пролетариям, умных, тонких, развитых и высокоморальных? Не стирает ли существующее положение дел границу между буржуазией и пролетариатом? Однозначно нет.

Проблема не в отдельном индивиде, его характере и воспитании, проблема в той функции, какую индивид исполняет здесь и сейчас. Если ему дано управлять, значит, он эксплуататор, несмотря на то что, например, ещё вчера он сам был в подчинении. Точно так же пролетарий, угнетённый своим положением и в тайне вынашивающий план продвинуться по социальной лестнице, всё равно остаётся функционально в классе эксплуатируемых. А значит, разделение на пролетариат и буржуазию, эксплуатируемых и эксплуататоров сделано верно.

Но когда речь идёт о достойных и недостойных — эта корреляция уже не будет прямой, а ассоциация точной. Объясню. Первые две пары понятий проистекают из экономических и социальных отношений, и таким образом мы толкуем эти понятия и здесь. Однако же достоинство — не социальная и экономическая категория, а категория нравственная и этическая, а потому всё, о чём я говорю здесь, относится к сфере этики.

Но и в этом последнем случае всё не так просто. В этической сфере исследуемый индивид отнюдь не сводится к этике и морали. Рассматриваемый индивид — конкретная экзистенция, что означает только одно: мы попадаем в силовое поле проблем онтологии.

Я прервал ход мысли из-за необходимости раскрыть некоторые предпосылки своих записок. Теперь же возвращаюсь к основному вопросу о предыстории подчинения достойных недостойными.

Напомню, что познание, мышление и бытие были определены как главные линии этой проблемы, ведущие к причинам порабощения, а понимание причин, возможно, приведёт нас к избавлению.

Начнём с проблемы познания. Недостойных и достойных, властвующих и подвластных отличает умение первых подчинить себе внимание, понимание и память последних. Столетняя история HR-менеджмента научила правящий класс с лёгкостью переводить внимание подчинённых с важного на неважное, с существенного на несущественное, с осмысленного на бессмысленное.

Приведу пример из реальной жизни пролетариата. Всем работникам складов, фабрик и заводов, то есть мест скопления синих воротничков, знакомо общее собрание рабочего коллектива, когда самый главный босс произносит краткую и, зачастую, необязательную речь. Образуется большой и малый полукруг, а в центр образовавшегося пространства входит и произносит речь главный эксплуататор.

В частных беседах пролетарии склонны отрицать, что подобные беседы имеют хотя бы малое на них влияние, однако мы наблюдаем тот самый случай, когда лучше верить собственным глазам, а не чужим словам. Необязательная и ритуальная речь, тихая или громкая, понятная или нет, буквально приковывает внимание пролетариев, ещё минуту назад беззаботно болтающих ни о чём.

Вероятно, слово «внимание» не очень точно отражает состояние, в котором находятся работники. Я скорее назвал бы это коллективным гипнозом. При этом рабочие могут вести себя как дети: хулиганы будут отвлекаться, иронизировать, а хорошие дети, наоборот, прислушиваться к речи взрослых.

Если проводить аналогию с жизнью первобытных племён, то это напоминает обряд перед началом охоты, когда вождь раздаёт распоряжения, от выполнения которых зависит успех охоты. Все эти примеры, умозрительные и реальные, объединяет одно, а именно то, что школа, племя и склад одинаковы в попытке управлять вниманием и мышлением. Управление вниманием доходит до самых совершенных форм автоматизации. Под гипнозом индивид, ещё десять минут назад бывший человеком, превращается в «рабочего».

Эксплуатация рабочего начинается с эксплуатации его сознания. Как бы мы ни оценивали уровень развития пролетарского сознания, безусловным фактом есть как минимум его наличие. Конёк правящей буржуазии состоит в умении отвлечь внимание на несущественные детали и сделать невидимым существенное. Как следствие, пролетариат, вроде бы оставаясь зрячим, вдруг становится слепым.

Хорошим примером неспособности пролетариата сконцентрироваться на важном и существенном служит его пренебрежение к собственному внутреннему миру и, как следствие, неумение практиковать хотя бы минимальную интроспекцию. Естественно, когда защита изнутри отсутствует, а в видимой реальности тебе демонстрирует бесконечный футуристический сериал, твои аналитические способности, ранее и без того недостаточно развитые, постепенно полностью деградируют.

В подобных обстоятельствах чуть ли не единственным объектом болезненного внимания пролетария становится другой пролетарий с таким же внутренним полупустым опытом. Склоки, ссоры, подтрунивание одного над другим — всё это следствие неумения сконцентрироваться на себе и запрет на анализ внешнего мира.

Так мы с вами приходим к выводу, что типичный пролетарий слеп к явлениям внешнего мира, поскольку его внимание управляется и находится под зорким наблюдением HR-менеджмента, обслуживающего интересы современной крупной буржуазии.

Тайное подчинение внимания эксплуатируемых эксплуататорами подчёркивает, между прочим, тезис о том, что власть находится в руках недостойных, поскольку нет достоинства в любой форме коварства, в том числе и в рассмотренной нами выше. При этом ещё раз стоит подчеркнуть: коварство имеет онтологические, а не этические предпосылки. Не понимая суть такого различия, нельзя понять и смысл всего мною здесь сказанного.

Теперь переходим к следующему пункту теоретико-познавательного слоя предыстории, где объясняются причины того, почему недостойные управляют достойными. Речь пойдёт об управлении пониманием и, шире, о том, когда и как внимание пролетариата стало подчинено интересам буржуазии.

Сделаем ещё одно отступление в сторону. Я пользуюсь вроде как устаревшей терминологией, постоянно включая в размышления дихотомию буржуазия — пролетариат. Мне некоторые могли бы напомнить, что уже как минимум четверть века, а на самом деле гораздо дольше идёт активная научная разработка социальной, экономической и политической философии, где давно отказались от анахроничного понятийного аппарата. В своих исследованиях учёные нового поколения склонны использовать термины из биологических, математических и компьютерных наук, тем самым обновляя и облагораживая старые темы и сюжеты.

Назову лишь три причины, хотя их гораздо больше, почему я с упорством, достойным лучшего применения, продолжаю использовать традиционный понятийный аппарат.

Во-первых, использование современной социальной, экономической и политической философией терминологии из естественных, инженерных и точных наук имеет сугубо метафорическую ценность, лишь переписывая новоязом старые клише. О том, насколько беспомощными должны считаться такие попытки обновления философского языка, хорошо говорит открытое пренебрежение учёными из области естественных и точных наук плодами трудов таких философов.

Во-вторых, академическая философия находится на службе у буржуазии, давно окончательно обуржуазившись, а потому бесконечные экспертные заключения, профинансированные проекты, использованные гранты и пр. при всей своей пестроте едины в одном — в дискредитации и дискриминации пролетариата.

В-третьих, я совсем не против использовать неологизмы и буду рад, если философы, в том числе и такой пролетарский философ, как я, найдут в себе силы и

вдохновение создать неологизмы, точно отражающие текущую действительность, однако наше время, первая четверть 21 века, — это время утрат пролетариатом тех прав и свобод, какие завоевали для себя и для нас ушедшие поколения пролетариев. А значит, использовать классический категориальный и понятийный аппарат — значит озвучивать преемственность между нашим и ушедшим поколением трудящихся.

Время вернуться к основной теме. Итак, понимание — это второй аспект, или, если использовать язык феноменологии, второй регион сознания пролетариата, узурпированный буржуазией. Не стоит преувеличивать способность власть имущих управлять вниманием пролетариата. В конце концов, рабочий не только работает, но и отдыхает, часть его времени проходит в домашней обстановке, где он временно отходит от гипноза. Когда его батарейки подзаряжаются, обновляется и понимание.

Рабочий имеет мнение, мнение он имеет обо всём, но лучше всего он, конечно же, разбирается в политике. Сарказм, конечно.

Однако не менее ясно и то, что такое «понимание» вряд ли можно считать пониманием в прямом смысле слова, — это лучше охарактеризовать как способ функционирования ложного сознания. Понимание как привилегия истинного сознания давно куплено, и недорогой ценой, капиталистическим обществом, в данном случае конкретным работодателем конкретного пролетария.

Радость обладания цепями, коими сковано сознание рабочего, нельзя объяснить иначе, как привычкой мыслить и понимать мир в категориях, взятых напрокат у буржуазии. Не лишним будет напомнить и о том, что культура в самом широком понимании слова чаще всего создана капиталом. Например, любой высокобюджетный фильм — это продукт капитала, инсталлированный в мозг пролетариата.

Искусство, например живопись старых мастеров, опера, балет, театр, авторский кинематограф редко попадают в поле внимания эксплуатируемого класса, ибо накопившаяся усталость после рабочего дня не позволяет рабочему тратить свою энергию на понимание образцов высокой культуры. Футбольный матч, развлекательный фильм или разговор по телефону с другом — это прямое продолжение эксплуатации пролетариата, ведь выбор пал на подобное времяпрепровождение не просто так, а потому что в понимании рабочего именно это и есть «отдых».

Нет сомнений, что каждый из нас может найти примеры обратного и вспомнить кого-нибудь из знакомых, кто действительно интересуется искусством. Однако подобные исключения лишь подтверждают неизменное правило.

Повторюсь: понимание простого рабочего узурпировано эксплуатирующим его работодателем, и именно на этом основании в ложном сознании реально существующий жестокий господин преломляется в иллюзорный образ благодетеля. Управлять пониманием другого человека означает поступать не по правилам этики и не в согласии с моралью. Следовательно, мы наблюдаем поведение недостойных. А те, кем управляют, будут достойными хотя бы потому, что находятся в жертвенном отношении к собственной судьбе.

Завершающим аспектом эксплуатации рабочего является память. Пролетариат как категория политической философии существует благодаря памяти. Пролетариат XXI века ведёт происхождение от пролетариев XIX и XX веков как раз по причине их общей коллективной социальной памяти. И наоборот, достижение прав и свобод рабочих, завоёванные в борьбе с буржуазией, – это ценнейшее наследство нашего поколения рабочих.

Совсем иначе обстоят дела с индивидуальной памятью. Привычная нам забывчивость не только мой личный секрет и моя личная боль, но и тайна, скрытая в сердце каждого. Мы не успеваем прочесть всё, что запланировали, мы забываем даже о планах, которые вписали в свой график на прошлой неделе, и удивляемся тому, почему эти странные требования ко мне написаны моей же рукой.

Мы забываем имена героев литературы и кино. Мы не можем вспомнить слово, которое должно стать важнейшим в обосновании своего аргумента в момент жаркой дискуссии. Мы не способны вспомнить имя нашего начальника и с трудом вспоминаем о том, что никогда его фамилии не знали. Мы забываем даты, дни рождения, названия праздников, цитаты из стихотворений, фамилии актёров и певцов.

Мы забываем всё, что нельзя забывать, и в деталях помним всё, что лучше бы забыть. Наши ноги помнят больше, чем помнит наша голова. Если бы не автоматическое повторение бытовых операций, мы не могли бы отождествить свои действия вчерашнего и сегодняшнего дня. Мы с радостью поддерживаем разговор о том, кто, когда и сколько чего забыл и так и не вспомнил.

Нужно ли напоминать, что и этот разговор испаряется из памяти сразу же после его завершения? Не по этой ли причине последние абзацы новостных сообщений посвящены напоминанию их контекста? Индивидуальная забывчивость пролетария, однако же, органично встраивается в капиталистическое пространство памяти. Всё, что нужно помнить, о том нам заботливо напомнят. Если мы забудем, нас по-матерински пожурят и по-отцовски накажут. Рабочий хорошо выучил, когда ему поесть, поспать и отдохнуть, чтобы он хорошо работал.

Забывчивый коллега, невыспавшийся и замученный, вызывает здоровый смех у более проворных рабочих. Они-то знают – главное не засорять память ненужной информацией, хотя не осознают того, что эта информация может служить их освобождению из рабства.

Итак, предыстория порабощения недостойными достойных в теоретико-познавательном плане мною раскрыта. Внимание, понимание и память пролетариата управляются извне буржуазным капиталом как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Это положение вещей не должно повергать нас в уныние. Всё это сказано лишь затем, чтобы вы понимали реальное положение того, кто пишет эти страницы.

Записка от 23 марта 2024 года

Теперь же настало время обратить внимание на то, что от постановки вопроса до ответа мы аккуратно продвигались между аристотелевскими категориями положения и состояния, когда вещь либо находится в каком-то положении среди других вещей, либо в самой вещи изнутри происходит какое-то преобразование. Этой вещью мы назвали пролетариат, а его внешнее положение и внутреннее состояние стало объектом анализа.

Пока же об этих подземных течениях наших рассуждений имеет смысл забыть, поскольку перед нами возникает серьёзный вызов – *требование объяснить, как недостойные отобрали у достойных право на мышление*. Сложность этой задачи состоит в практически психоаналитическом сопротивлении со стороны людей признать очевидное, что их мышление можно лишь с натяжкой считать принадлежащим им.

Об этом уже столько написано, что даже неловко снова распространяться. *Я вижу большую трагедию в невозможности доказать это человеку, который упорно будет защищать чужое мышление в своём мозгу*.

Отсутствие своего мышления в жизни пролетариев уже наделало много бед. Любое свежее суждение пресекается как неуместная болтовня. Но если вы посмотрите в глаза тех, кто уверенным голосом утверждает подобное, вы обнаружите что-то среднее между пустотой и страданием. Глазами человек просит о помощи, и в то же время его мысль, слово и действие направлены лишь на то, чтобы подавить в себе инстинктивное *тяготение к бытию*.

Я смотрел в глаза страдающих и отчаявшихся. Свою боль они скрывают притворным смехом или искренней злостью. Эти страдающие души в эксплуатируемом теле не могут ничего изменить в своём состоянии. Они не то что неспособны на бунт, а даже не могут трезво увидеть своё отражение в зеркале.

Как же так? Что же произошло с людьми? *Почему же из этой души смотрит на себя это искалеченное существо?* Почему этот человек, рабочий, пролетарий настолько не позаботился о себе относительно развития своей души и своего духа, что довёл себя до крайне рабского состояния? Что ему приносит радость после тяжёлого рабочего дня? Какой смысл завтра снова идти на работу? Откуда эта придурковатая бодрость?

Я вижу лишь сплошное страдание (звучит как сутра из «Дхаммапады»), я вижу жертв капитала, ум и тело которых работает против интересов своей души. Если, например, вот так просто ему об этом сказать, в таком случае наш бедный пролетарий быстро классифицирует «душу» как предмет религии, поймёт, что он атеист и в наличие души не верит, и по этой причине отвергнет всю цепочку моих утверждений. И не встретится ему на пути даосский мудрец, способный прочесть заклинание и освободить эту душу от колдовства.

Хорошо, довольно лирических отступлений. Перейдём к теме пролетарского мышления.

Мышление является вторым из трёх аспектов порабощения достойных недостойными. Мышление как таковое я распределяю по трём категориям: мышление как результат освоения классической логики, преимущественно с опорой на книги Аристотеля; диалектическое мышление Гегеля – Маркса и по нисходящей; бытовое повседневное мышление, построенное согласно принципам здравого смысла.

Два первых типа мышления предполагают хорошую предварительную подготовку, полученную либо в университете, либо в интенсивном и качественном процессе самообучения. Соответственно, и статус первых двух способов мыслить значительно выше третьего. **Аристотель отличал господ и рабов как раз наличием или отсутствием мышления.** В «Политике», особенно в первой книге, мы постоянно сталкиваемся с жёстким противопоставлением властвующих, свободных и думающих людей с одной стороны и подвластных, находящихся в рабстве людей – мышления которых хватает ровно на то, чтобы с точностью понять приказ хозяина и выполнить этот приказ безупречно точно.

Со времён античных Афин ситуация существенно не изменилась. Подчинённое объектное существо, как бы оно ни демонстрировало своё недовольство, в конечном счёте выполняет данный ему приказ. Удивительно наблюдать ситуацию, когда пролетарии ценят в себе и других не свою свободу, а умение подчиниться. Выходит, что самый рабский экземпляр рабочего ценится в этой среде гораздо выше того, кто отстаивает каждый сантиметр своей свободы.

Рабство с такой силой впиталось в душу пролетария, что он уже не способен отличить действие извне от собственного действия. Это напоминает старые нуары, где коварный антигерой отдаёт приказ находящемуся в состоянии гипноза герою, а потом, уже бодрствуя, герой повторяет приказ как выражение своего личного мнения.

Приходится признать, что пролетарии настолько утратили контроль над буржуазией, в той степени отдались общему течению «безмыслия», что отыграть ситуацию обратно уже нет никакой возможности. *Капитал отнял у рабочего не только средства материального производства, но и внушил ему отвращение к логическому мышлению.* У кого остались хотя бы некоторые задатки мыслить самостоятельно, того групповой животный инстинкт рабочего коллектива воспринимает как угрозу для себя и для своего хозяина.

Капитал настолько хорошо выдрессировал пролетариев, что никакая причина не способна подавить инстинкт рабства. Капитал нашёл рычаги управления внутренним миром рабочего, позволяя ему самому по-мужски разобраться с собственной мыслью.

Фабрика, склад или завод напоминает паноптикум, из которого не сбежать и не скрыться. *Если благодаря случайному стечению обстоятельств рабочий начинает умнеть и практикует навык мыслить самостоятельно, его необратимо тянет встать на сторону правящего класса, управлять себе подобными.* Обычные пролетарии отныне живут под властью этого эволюционирующего пролетария. Лидеры, заместители лидеров и менторы на складах и производстве вылеплены как раз из такого теста.

И большой вопрос — как сделать так, чтобы пролетарий осознал, что практиковать мышление, мыслить самостоятельно совсем не тождественно подчинению себе других, а наоборот, открывает возможность обрести личную свободу и помочь освободиться ближнему. Деграция пролетарского класса зашла настолько далеко, что на положение своего класса он может смотреть только глазами эксплуатирующего капитала.

Отсюда распространённая среди рабочих нелюбовь к левым идеям. Кто-то может сказать, что я напрасно сгущаю краски, но я вижу и чувствую, как непостижимое зло распространяется эпидемией в обществе, и, возможно, наиболее слабые в социальном отношении классы могут быть единственной оставшейся надеждой на отсутствие капиталистической круговой поруки.

Записка от 24 марта 2024 года

Завершая ответ на вопрос о причинах подчинения достойных недостойными, **нам нужно обратиться к понятию бытия**. Пролетарий никогда в своей речи не употребляет это слово, а между тем как раз в этом пункте можно разглядеть надежду на абсолютное освобождение от подчинения капиталу.

Бытие состоит из физической и метафизической сторон, эту вторую мы чуть далее будем называть **онтологической** или собственно бытийной. Пролетариат никогда не боролся за метафизическую свободу, поскольку так традиционно сложилось, что объектом борьбы всегда была физическая свобода. При этом и буржуазия не подавляла метафизических свобод, не считая их ценностью.

Взаимное равнодушие двух классов к проблеме бытия привело к удивительным последствиям и результату, *когда любой человек, рабочий, пролетарий мог бесконтрольно развивать пространство метафизической свободы и тем самым усложнять структуру своего бытия*.

В обычной жизни нам свойственна ничем не обоснованная уверенность в собственном знании мира. Поговорите со своими знакомыми и обратите внимание на эту особенность человеческой психологии.

Подобная уверенность может служить доказательством непоколебимости человека бытием. И наоборот, зыбкость почвы под ногами, бытийная неустроенность, нервный взгляд, холерическое поведение в попытках отыскать ответы на вопросы о смысле жизни ясно указывают на озабоченность человека бытием. Мы видим, какое бесконечное расстояние отделяет качества заинтересованного в бытии человека от идеала в представлении пролетария.

Там всё наоборот: уверенность в своих силах, гордость семьи за кормильца, уважение коллег по работе за умение качественно выполнять свою работу. Этот идеальный работник немногословен, однако, когда он говорит, его мнение весомо и авторитетно. А вот пролетарий в экзистенциальном кризисе — это звучит как шутка. Рабочий склонен отторгать вопрос о бытии, а капиталист не видит причины его отнимать. Бытие остаётся как ничейное поле.

Совсем иначе дело обстоит с бытием как физической жизнью рабочего. Мы знаем из трудов классика о том, что капитал производится благодаря вложенному в него труду рабочего, а такой труд, соответственно, предполагает использование физической силы пролетариата. У меня будет возможность подробно остановиться на этом вопросе, когда речь пойдёт о феноменологии тела рабочего.

Если капитал в чём-то и преуспел за последние два века, так это в том, чтобы извлекать из рабочего как можно больше физической силы, управляя его отдыхом и утомлением. Это кульминационная точка рабства пролетариата, когда интенсивность труда умножается на тотальность затраченного времени, а рабочий находит в себе неисчерпаемые, как ему кажется, силы для производства капитала.

Физическое бытие пролетариата находится в подчинении эксплуататоров ровно в той же степени, как познание и мышление. Сейчас мы можем ответить на поставленный в начале наших размышлений вопрос. *Недостойные управляют достойными, поскольку последние утратили способность к самостоятельному познанию, мышлению и бытию.*

И в этом отношении ситуация останется неизменной, и нет смысла ждать всемирной пролетарской революции. Тем более что существующие в истории примеры демонстрируют, что подобные революции никогда не приводят ни к реальному социализму, ни к идеальному коммунизму.

Однако если посмотреть на наш вопрос диалектически, тогда подобие шанса на освобождение существует, но совсем не в контексте общественных потрясений. **Когда достойные вернуться к вопросу о смысле своего бытия, ощутят свой экзистенциальный кризис и начнут медленное, но верное построение личной онтологии,** тогда у недостойных возникнет настоящий соперник и борьба за свободу.

ВОПРОС № 2. Какое определение необходимо проистекает из понятия пролетариата? Говорим ли мы о пролетариях в одном или сразу же в нескольких смыслах?

Записка от 25 марта 2024 года

Понятие пролетариата можно трактовать в трёх разных значениях: либо как традиционное понимание пролетариата в марксистской теории, либо как прекариат – это понятие, введённое в научный оборот Гаем Стэндингом, либо же как экзистенциальный пролетариат, описание которого можно найти у Райта Миллса и Маркузе, хотя они прямо и не использовали это словосочетание в своих трудах.

Первое и наиболее распространённое понятие пролетариата – как класса, подчинённого буржуазии и капиталу, класса, охватывающего огромный пласт людей, чей вложенный в работу труд гораздо больше заработной платы. Когда я разбирал первый вопрос о достойных и недостойных, в меру своих сил разоблачая гегелевскую теорию господина и раба, я старался втиснуть в ход своих рассуждений традиционное понятие пролетариата.

Сопrotивление материала же было настолько сильным, что **защита пролетариата часто превращалась в его обвинение**. Мне стало ясно: существующий в нашем веке пролетариат, по крайней мере та его часть, что мне наиболее важна, не вписывается в это определение. Этот пролетариат существует как и существовал, но теперь он как никогда сращён с капиталом, ангажирован и реакционен.

Традиционный пролетариат выродился в нижний эшелон общества потребления, когда он своим кошельком усугубляет рабское состояние других пролетариев. Такому пролетариату противопоказаны митинги, забастовки и революции, ведь в это время, думают они, вместо отлынивания от работы можно было бы ещё заработать. Мы напрасно предполагаем, что алчность распространена только среди высших классов, – эта эпидемия охватила человечество целиком.

Относительно нашего вопроса о типологии пролетариата можно утверждать, что традиционный пролетариат перестал быть общественной силой, какую он был всего сто лет назад.

Записка от 26 марта 2024 года

Мы получили ясное представление о пролетариате в традиционном понимании. Этот пролетариат – нижняя ступень пирамиды капитализма и его основная опора. Не будь сейчас пролетариев подобного типа, в одночасье бы рухнула вся капиталистическая система.

Трудовой маскулинный пролетариат подпитывает буржуазное общество не только своей физической силой, но и заработной платой, потраченной в первую же неделю на кредиты, детей и продукты. Впрочем, об этом сказано достаточно.

Вторая категория пролетариата гораздо сложнее первого как во внутреннем устройстве, так и в интеллектуальном развитии. Мы наблюдаем огромную дистанцию между первым и вторым типом рабочих. Старый пролетариат питается остатками буржуазной культуры, современный – держит нос по ветру, отслеживая новые тенденции в одежде, музыке и кино. Старый пролетариат вы не встретите на коллективном обсуждении фильма, на виртуальных форумах, на безопасных для здоровья манифестациях. Старый пролетариат одновременно и есть, и нет.

Когда капитал обратил внимание на возникновение новой категории пролетариата, он предложил экспертному сообществу изучить это явление и дать ему имя. Так в научном дискурсе возникло понятие прекариата. Уже было сказано, что пролетариат нового образца необычно для своего социального статуса интеллектуально развит. Объясняется это довольно просто. Почти весь прекариат получил высшее образование и оказался внизу буржуазного общества вследствие перенасыщенности предложением рабочих на рынке труда.

Прекариат обычно состоит из молодых людей, одетых по последней моде, подстриженных в барбершопах, отдыхающих в свободное время в кофейнях, читающих электронные книги на дорогих ноутбуках и т. д. Они не отслеживают новостную повестку, зато забивают себе голову поисками путей самореализации.

Прекариат часто пребывает в депрессии и эстетизирует это состояние. Прекарии тоже часть общества потребления, в чём-то будучи его авангардом. В светской беседе их легко спутать с умными людьми. Существует даже престарелый прекариат, молодящийся словно пожилые аристократы в пудре и париках времён Старого порядка в монархической Франции.

В отличие от пролетариата, прекариат стремится вырваться из рабского состояния, но, как и первый, находится во внутреннем тупике. И всё же стоит взять себе на заметку, что прекариат только выходит на общественную сцену, и, возможно, из этого класса родится новый Маркс.

Записка от 27 марта 2024 года

Третий тип пролетариата я назвал экзистенциальным. Когда капитал заметил зарождение нового низшего класса, не тождественного пролетариату старого образца, он, капитал, метил как раз в экзистенциальный пролетариат. Однако сидящее на зарплате капитала экспертное сообщество, как это обычно бывает, промахнулось. Эксперты вроде Стэндинга были не в состоянии идентифицировать новое сообщество и потому предметом своего внимания они сделали прекариат. На новую категорию пролетариата сперва обратили внимание философы и социологи Франкфуртской школы, затем отдельные намеки можно отыскать у Бурдьё и особенно у его учеников и последователей. Среди экономистов, обращавшихся к новому социальному феномену, я могу назвать только Пикетти. Что же собою представляет этот новый опасный класс? Вскоре отвечу на этот вопрос.

Записка от 28 марта 2024 года

Сделаем небольшое отступление от основного сюжета. Я уже проводил аналогию между рабочим и рабом, а теперь хочу объяснить, как именно рабство проникает в мысли и чувства пролетария и есть ли возможность пролетарию вытравить из себя раба.

Практически каждый рабочий легко попадает на этическую уловку, гласящую: если ты работаешь, то работай хорошо, а не хочешь хорошо работать, тогда вовсе не работай. В этом «хорошо» заложена дьявольская хитрость, поскольку оценку качества работы закладывает работодатель, а соответствовать ему должен вообще любой пролетарий.

И это еще не все. В психике человека происходит сложнообъяснимое изменение. Это в какой-то степени можно сравнить с равнодушием к сериалу, пока не посмотрел первых пять серий и тебя не затянуло. Нечто похожее происходит с людьми на рабочем процессе. Система поощрений построена настолько тонко, что рабочий не замечает того самого момента X, когда он уже полностью вовлечен.

Серьезно изменяется отношение к работе. Вместе с благодарностью за даже минимальное признание (собачье по природе чувство) в душу человека постепенно, но уверенно вползает ледяной страх. Это выражается в самых незаметных деталях:

страх выйти раньше времени со склада, страх не выполнить работу в отведенные сроки, страх пойти на небольшой «перекур», когда это уже оговорено с начальством и вроде бы не должно вызывать беспокойства.

Мутация работника выражается в его стремлении стать все лучше и лучше. Отчасти это напоминает домашних животных, выполняющих приказания своих хозяев, после чего мы видим до боли знакомый заискивающий взгляд животного, усиленно ищущий одобрение. Рабство возникает из неестественного, ненормального страха, без какой-либо отчетливой рефлексии о том, а что же случится, если ты вдруг откажешься выполнять команду.

Рабство – это сущность раба. Аристотель писал, что раб остается рабом даже на свободе. Пролетарский класс старого образца однозначно имеет рабскую сущность.

Если принять сказанное как свой личный и глубоко пережитый опыт, тогда из груди вырывается вопль: могу ли я, такой все понимающий и от того еще больше несчастный, победить в себе раба, отказаться ему во власти принимать все решения вместо меня?

Экзистенциальный пролетариат – это пролетариат, осознавший смысл своего бытия из сущности своего существования. С традиционным пролетариатом эту категорию сближает только одновременное сосуществование физических тел в рабочем пространстве. Во всем остальном между ними нет ничего общего. Если обычный пролетарий вспоминает о смысле жизни только за рюмкой водки и забывает об этой проблеме, как только протрезвеет, экзистенциальный пролетариат мыслит свое бытие каждый божий день с необычной для этого класса интенсивностью.

Быт экзистенциального пролетариата состоит из книг, сна и кофе. Одно экзистенциальное существо замечает другое подобное существо из проглядывающей из него сущности, энигматичного внутреннего спокойствия при внешней, бросающейся в глаза несуразности. Старые пролетарии инаковое и чужое чувствуют. Их редко беспокоит существование прекария, но живая экзистенция их раздражает до самого основания. В душе пролетариат старого образца желал бы уничтожить экзистенцию, задушить ее своими золотыми руками. В глазах традиционного пролетариата как прекарий, так и экзистенция одинаково выглядят бездельниками. Однако к первым они испытывают скрытую зависть, а ко вторым – жгучую ненависть, и это не просто ненависть, это стон небытия, ничто, которое помимо своей воли соприкоснулось с бытием. Пока существует экзистенция, пролетарий мертв, когда экзистенция исчезает, пролетарий мгновенно оживает. Сама по себе жизнь индивидуальной экзистенции смертельно оскорбляет пролетариат. Повторюсь, здесь нет ничего личного, это будничная встреча небытия с бытием.

Вопрос № 3. Сочетаются ли между собою физическая работа на капитал и свободное творчество?

Записка от 30 марта 2024 года

Для начала ответим себе на другой вопрос: какое значение в жизни человека занимает творчество? Имеет ли оно жизненную необходимость или же творчество лишь довесок к более важным вещам в жизни? Традиционный пролетариат находит творчество в работе, прекариат и экзистенциальный пролетариат – вне работы. Соответственно, речь пойдет только о двух категориях рабочих. В пользу такого подхода говорит и то, что обычный пролетариат выполняет физическую работу по необходимости, а прекариат и экзистенциальный пролетариат – случайно. Из этого следует первый вывод: сущность прекария и экзистенциального пролетария связана с чем-то другим, а не с физическим трудом.

Теперь подойдем к этому вопросу с обратной стороны и спросим себя: в чем состоит сущность свободного человека? Его сущность состоит в данном ему свыше таланте, если хотите, даре божьем, и в свободной возможности этот талант развивать, а значит, и творить нечто новое, чего не было до того, как оно было. Само слово «творчество», надо признать, слабо отражает смысл, значение и сущность творчества. Это не самореализация личности и не способ найти свое место под солнцем. Сущность творчества состоит в длении экзистенции как бытия, имеющего смысл.

В физическом труде, осуществляющемся в пользу капитала, для творческого человека смысла нет. Кроме того, физическая работа отбирает психические силы, необходимые для творчества. Физический труд – это систематическое и методичное подавление творческого начала в экзистенции, тогда как само это начало имеет запредельную природу или, говоря философским языком, является трансценденцией. *Творчество есть достоинство экзистенции.* Сущность сотворенного творческим человеком вписывается скорее в понятие креационизма, чем в понятие креативности. Творчество облагораживает человека и делает его свободным по сути, реально, а не номинально свободным. Жизнь человека творческого есть акт творчества.

Физический труд внушает пролетарию мысль, что он по своей природе раб, а не свободный. Рабство и творчество – это два противоположных состояния бытия. Быть рабом означает просто не быть. Капитал тратит большие усилия на то, чтобы убедить пролетария в осмысленности его труда. Мне приходилось в разных вариациях слышать от пролетариев одну и ту же ложную мысль – кто-то ведь должен выполнять и вот такую работу. Без пекаря не было бы хлеба и пр. и пр.

Подобные ответы мы, разумеется, не услышим от двух других категорий пролетариата. Но для них, этих вторых и третьих пролетариев, уже готова другая ловушка – самообман. Свое творческое начало они связывают с тем самым завтра, которое не наступит никогда. Они черпают силы в наивной надежде урвать свой кусок времени на творчество и не понимают, бедные, что рабское существование даст творческий плод, созданный руками раба. Человек свободный в плодах такого творчества не увидит близкое себе. К счастью или нет, надежда представляет собой такой вид обезболивающего, когда самообман становится органичной частью жизни. Чтобы отрезвиться, надо признать: пока ты работаешь физически, так будет всегда. Физический труд на эксплуататоров – это опознавательный знак раба, его идентификатор, его тавро, а это значит, что такой труд ни при каких хитростях ума не сочетается с творчеством свободной экзистенции.

Вопрос № 4. Может ли пролетарий служить двум господам одновременно?

Записка от 31 марта 2024 года

Ответ на этот пасхальный вопрос труден и сложен. Кто здесь пролетарий, кто первый и второй господин, и что значит служить? Господин — это не всегда буржуа и капиталист. Господином может быть персона, наделенная властью управлять жизнью раба. Аристотель и Гегель, споря о многом, точно согласны в одном: нет раба без господина и нет господина без раба. В характер их взаимосвязи встроена категория отношения. Я могу с этим согласиться, но оба философа умалчивают о том, как быть в случае, если раб один, а господ двое.

Лично я знаю пролетария Егора, в первой половине дня работающего на складе, а потом до глухой ночи развозящего еду от лица эксплуататора Uber. Казалось бы, вот наглядное решение проблемы, и незачем огород городить. Но мы же помним: и раб у нас сомнительный, и господа специфические. Поэтому Uber'у Uber'ово, а нам и дальше нужно искать ответ. Хотя Егора мы все же не бросим, он целиком вписывается в общую категорию, ведь в нашем случае под понятие раба подпадают пролетарии всех трех типов, а с ними и Егор.

Однако с рабом как понятием мы еще не разобрались. Раб — это тщательно спрятанное от посторонних качество пролетария. С другой стороны, качество пролетария не тождественно его сущности как экзистенции, а сущность, как мы хорошо знаем из структуры категорий Аристотеля, предшествует категории качества.

А значит, пролетарий как раб по отношению к господину находится в рабском состоянии, работает в рабском положении, один сам себе раб, существует в качестве раба, ходит рабом в пространстве рабства, поглядывает на часы в ожидании завершения рабского дня, но в своей предельной сущности этот раб — свободная экзистенция, воля которой распространяется хотя бы на то, чтобы выбрать себе господина.

Ответ на вопрос таков: нет, раб не может служить двум господам одновременно, но может сделать свободный выбор в пользу того, кому он будет служить. И этот выбор точно не между складом одежды и доставкой еды.

Вопрос № 5. Каковы истинные цели капитала в процессе порабощения пролетариата?

В ответе на этот вопрос я сильно расхожусь с левыми теоретиками. Они говорят, что цель капитала — это обогащение себя за счет эксплуатации труда рабочих. Богатство, деньги, материальные блага, ради которых недостойные пользуются плодами трудов достойных, это и есть цели. Тем не менее я считаю, что этот ответ, насколько бы очевидным он ни казался, нельзя считать верным. Цель капитала — это жизнь и продление своего существования. *Цель власть имущих — не править миром, а обладать миром, жить в идеальных условиях, недоступных тому,*

кто создает им это богатство. Повторяю еще и еще – не обогащение цель капитала, а своя жизнь как радость жизни.

А вот теперь внимание: каким образом эта жизнь подпитывает свои корни? Правильно, лишая пролетариат возможности достойной жизни. Причем задача капитала состоит во внушении пролетарию, что вот этот черствый кусок хлеба и эта постель из соломы и есть предел счастья и венец жизни. А еще ему дают надежду на то, что, мол, потерпи до июля, зарплаты, первых снегов, до свиста рака на горе, и потом все будет по-другому. Если же человек сдирает с себя маску дурака и понимает, что надежды на лучшую жизнь нет, тут добрый друг капиталист мгновенно меняется в лице и теперь готов говорить по-другому.

Здесь и только здесь проявляются истинные мотивы класса недостойных. Раз нашелся такой умник, подсчитавший в своей голове, что до конца жизни ему ничего не светит, тогда этого умника нужно стереть с лица земли. Ему лезут под кожу и внушают, что мир несправедлив, люди злы от природы, а вокруг меня сплошная иллюзия.

У нашего пролетария нет силы для изобличения зла, он не может сказать «отойди от меня, сатана» и готов шмыгнуть вниз из самой высокой иерусалимской башни. А это, друзья мои, и есть реальная цель капитала. Он подпитывает свою жизнь двумя способами: либо по капле выжимая жизнь, либо выпивая ее залпом. Поэтому борьба за свободу у экзистенции сопрягается с борьбой за жизнь. Капитал внушает пролетарию добровольно выйти из игры или же снова натянуть колпак дурака.

Экзистенция обязана учиться жить в самых сложных обстоятельствах. Жизнь – это капитал пролетария, на который капиталист желает наложить свою мохнатую лапу. Противопоставить этому можно только сильнейшее желание жить.

Маркузе, обдумывая наш вопрос, в свое время сформулировал для пролетариата два судьбоносных суждения: 1) человеческая жизнь стоит того, чтобы ее прожить; 2) в обществе существуют возможности для улучшения человеческой жизни (см. введение книги «Одномерный человек»). В самые страшные дни жизни эти два тезиса смогут вытащить человека из глубин преисподней.

Записка от 1 апреля 2024 года

Преформирование – это состояние индивидуального и коллективного сознания на той критической стадии, когда оно уже не способно отличить истинных потребностей от ложных, а значит, в таких обстоятельствах человеку невозможно совершить свободный выбор. Возвращение человека в нормальное состояние, выход из преформированной стадии сознания возможно только в результате прохождения длительной психологической реабилитации.

Вопрос № 6. Как пролетарию управлять рабочим временем?

Записка от 4 апреля 2024 года

Хорошо, допустим, вы, по одним только вам известным причинам, должны и хотите оставаться в цепях. Пусть в качестве вводных данных будет 8 часов работы, 8 часов отдыха и 8 часов сна.

На работе – о, ужас! – запрещено пользоваться телефоном. А в труде вам суждено скрадывать минуты в общении с неприятными людьми. Вдобавок ко всему вы измождены либо физической работой, либо случайно выпавшим простоем. Все это в своей совокупности никак не вдохновляет на желание творить и мыслить.

Я расскажу о своем опыте, повторить который другому будет непросто как по причине сложного устройства моей психики, так и в связи с наличием у меня сильной воли.

1. Постоянно выговаривайте свое состояние вслух, пусть пролетарии от ваших слов впадают в жесточайшую депрессию. Это и успокоит, и умиротворит.
2. В любой ситуации будьте собой. Ни при каких условиях не впадайте в истерику: «Ребята, я с вами! Ребята, я такой, как вы!» Так вы только унижаете себя и свою экзистенцию.
3. Не стройте на рабочем месте виртуальные вселенные. Иногда бывает желание перехитрить систему и сколотить свое маленькое ОПГ. Это только отвлекает внимание и отбирает силы. Держитесь одиноким волком и внутренне настраивайте себя на мысль, что в момент X вместо аргументации нужно будет воспользоваться железной трубой.
4. Среди серой и дикой массы рабочих найдите 1–2 людей, которых вы отличите по антропологическим признакам. Говорите с ними о себе. Это вызывает сочувствие и желание помочь. Будьте готовы помочь в ответ.
5. Работайте со своей памятью. Запоминайте иностранные слова и словосочетания, если учите языки; создавайте рифмы, если пишете стихи, и т. д.

В борьбе с эксплуататором требуется не выживать, а экзистировать. В том случае, если вы хоть что-нибудь из себя представляете, у вас обязательно это получится.

Вопрос № 7. Нужно ли пролетарию притворяться мертвым жуком?

В обычной жизни мы изнасилованы судьбой, пронизаны болезнями и придавлены горем. Такие обстоятельства подталкивают нас найти безопасное место, окопав его непроходимым рвом.

Это ваш остров, и имя ему одиночество. Рядом с собой вы готовы приютить другое одиночество, если оно, как Сальвадор Альенде, мелкой очередью будет защищать ваш остров от общего врага.

Мы, побитые и никому не нужные, находим место для отдохновения от трудов своих. Утром, как зомби из «Ночи живых мертвецов», встаем на работу, где впадаем в долгую спячку.

Мы закливаем наши дороги. Мы закливаем себя в ничто. Отбив у мира право на статус кво, мы хотим, чтобы так оставалось всегда. Те же магазины, те же продукты, те же ступеньки, те же соседи.

Я могу понять желание построить многоуровневую защиту себя от мира, однако согласиться с таким способом существования никак не могу.

Кто поймет, тот и поймет: есть зов бытия, призывающий тебя быть. Его мало кто слышит, а многие уверяют, что этого зова вообще нет.

Когда я говорю, то говорю не я, а мое бытие. Оно взывает к другому бытию, прорываясь сквозь сеть мелкотравчатых идентичностей.

Бытие тяжело понять и почувствовать бытие, но легко убедиться, как день за днем бытие берет и уходит. Закулившийся человек меняет возможность бытия на гарантированное ничто.

Каждый, наверное, видел, как жук, которого вот-вот раздавят, принимает решение притвориться мертвым. Такой я вижу хитрость ума человека, живущего в своей скорлупе.

Ваш остров – это место для бытия, но, находясь там, бодрствуйте и не забывайте быть.

Вопрос № 8. Почему пролетариям присуща ментальность раба и как к этому обстоятельству относиться?

Записка от 6 апреля 2024 года

Мой опыт общения в пролетарской среде свидетельствует о том, что подавляющее число рабочих в своей жизни не хотят ничего менять. Это тем более странно, поскольку живут они в тяжелых материальных условиях, не имеют нормального сна и отдыха, не получают никакой социальной защиты. Я вижу ситуацию, когда изменить образ жизни и сделать жизнь хотя бы немного похожей на жизнь не представляется чем-то невыполнимым. Наоборот, горизонт возможностей целиком охватывает иные способы бытия. И тогда я вот о чем подумал: отнюдь не внешние обстоятельства мешают пролетариям изменить свою жизнь, а нечто заложенное в их характере и психике.

Меня потрясла мысль Аристотеля, что раб и на свободе остается рабом. Как тут не поддаться чарам народной этимологии и не вывести слово «славяне» от ужасного slaves?

Говорят, что рисковать и менять что-либо в своей жизни не хотят либо не могут взрослые и старики. Так почему же я вижу, что бацилла рабства так глубоко проникла

в молодое поколение? Откуда этот внутренний надлом и страх в глазах? Страх, дикий животный страх, когда тебя никто толком даже не напугал.

Я вынужден вернуться к своему различению между традиционным, современным и экзистенциальным пролетариатом. Две первые категории изначально обречены на жизнь без жизни, потому что они сделали выбор в пользу ничто. Могут ли они выбрать бытие вместо ничто? Могут. Сделают они этот выбор? Нет. **Поэтому все, о чем я пишу, написано только и исключительно для экзистенциального пролетариата.** А ходить за мной по пятам и выговаривать мне что-то наподобие контраргументов смысла никакого нет. Не к вам это обращено, и не вам на меня обижаться. Я защищаю свое бытие и стараюсь помочь защитить бытие ближнего своего. И только.

Вопрос № 9. Может ли искусство и литература быть спасительным средством для освобождения пролетариата из рабского состояния?

Записка от 8 апреля 2024 года

Начну с уточнения, что здесь, как и ранее, объектом моего внимания продолжает быть экзистенциальный пролетариат. Так исторически сложилось, что литература и искусство почти все время, вплоть до XIX в., создавались в среде господ, а не рабов. Вследствие этого традиционный пролетариат не понимает и не любит искусство, довольствуясь продуктами массовой культуры. Абсолютно та же история с литературой. Экзистенция, пребывающая в пролетарской массе, но не растворенная в ней, обычно имеет хорошее образование и культурный бэкграунд. Таким образом, типичная для обычного рабочего нехватка времени, когда рабочий процесс отбирает силы и желание делать что-либо, и рабочий ограничивает себе формами пассивного отдыха, для экзистенции уже не обычная, а трагическая ситуация, когда эта экзистенция насильно обрывает связь с искусством и литературой. Со стороны такое страдание от недостатка искусства смотрится как заумь и странность. Сама же экзистенция бьется, как муха о стекло, отчаянно желая вернуть свое прежнее состояние души. Таково в общем существующее положение дел, хотя для краткости я сознательно упустил множество деталей.

Теперь я бы хотел ответить на поставленный вопрос о спасительной силе искусства. Искусство, а вместе с ним и литература, имеют скрытую силу освобождения экзистенции только при условии, что в них скрыта эссенция (сущность), необходимая для подпитки экзистирования экзистенции.

Мое мнение таково. Отобранные культурой произведения искусства, называемые классическими, конечно же, являются носителями сущности, а потому обладают спасительной силой. Конкретная экзистенция, как и весь экзистенциальный пролетариат, обычно очень чутко реагируют на то, что считать искусством, а потому связь с эссенцией всегда присутствует. Под вопросом остается лишь волевое начало экзистенции, пребывающей в паутине несвободы и прилагающей усилия из нее выпутаться.

Вопрос № 10. Как пролетарию находить время для чтения книг?

Записка от 9 апреля 2024 года

Усталость, постоянная усталость, тянущаяся как что-то неизбывное, сопровождает пролетария все свободное время. Его радости: плотно поесть после смены, под вечер выпить, листать в телефоне сообщения, новости, видео и картинки. Может быть, еще хватит сил позвонить друзьям или родственникам. А потом самая дорогая ценность пролетария – сон. Об этом блаженном состоянии покоя пролетарий мечтает постоянно. Сон дает чувство спокойствия. Во сне рабочий набирается силы. Сон – лучшая часть его жизни.

Книги же требуют обратного – растраты немногих оставшихся сил, внимания и максимум сосредоточенности.

Если вдруг наш пролетарий собрался с духом и все же решил прочитать пару страничек запыленного фолианта, то сон, его верный спутник и друг, аккуратно вынимает книгу из рук задремавшего чтеца.

Как это было и раньше, просто поделюсь своим опытом. Книги лучше всего читать утром, заводя будильник на час раньше обычного. Да, это потом скажется на вашей работе, но внутренняя удовлетворенность купирует эту жертву. Утром вы бодры и внимательны, а значит, контролируете ход чтения и запоминаете прочитанное. Второе по удобству время – это вечер, где-то через час после работы. Никогда не откладывайте чтение на позднее время.

Наконец, самый криминальный способ, каким я прочитал поэмы поэтов болгарского, венгерского и румынского романтизма. Для этого способа по правилам должно быть не запрещено пользоваться на работе телефоном. В польском есть такое слово «кибелек». Вот идите в кибелек и читайте по 10–15 минут. У работодателя найдется тысяча причин, чтобы вас хаять и очернить в глазах окружающих, однако запомните, что *ваше бытие – это ваше личное дело*.

Вопрос № 11. Как пролетарию правильно использовать свободный день?

Записка от 10 апреля 2024 года

Пролетарий – это существо, живущее завтрашним днем. Вчера уже отстрадали, сегодня по-маленьку переживем, но завтра... И вот наступает это завтра, когда разбитая экзистенция обратно стягивается в единое существо.

Традиционный пролетарий в свободный день ведет себя как пес, потерявший хозяина: сначала чудачит, опьяненный свободой, а вдоволь наигравшись, уже не знает, что делать, и начинает скучать по хозяину.

Прекариат, в образ которого, кстати, я сам постепенно вхожу (а это ужасно), свободный день воспринимает как ресурс для подпитки сил и создания своими

руками чего-то нового и креативного. Тут ситуация складывается по-разному, одни способны действовать в согласии с намеченным планом, другие – нет.

Экзистенциальный пролетарий в свободный день пытается снова почувствовать себя свободным. И в то же время ему приходится преодолевать гул в ушах от всей накопившейся за время работы усталости.

В этот день в человеке должно сработать умение перегруппироваться, поскольку именно в свободное время есть опасность впасть в депрессию, подавленность и отчаяние, а это не лучшие попутчики в жизни.

В свободный день не стоит искать разговоров, лучше сконцентрироваться на себе.

Экзистенция открывается в минуты молчания и тотального одиночества. Я опишу это состояние: ты начинаешь чувствовать покой не как чувство, обратное чувству усталости, не как отдых, а покой особенный, когда все вокруг исчезает, включая тебя. Свободный день – это свобода в миниатюре. Это время, когда ты набираешься опыта быть свободным. Свобода – чувство необычное, и к нему нужно привыкать. Да, свободный день – это выработка привычки быть свободным.

Вопрос № 12. Как пролетарию читать книги?

1. Нормально относитесь к количественному подходу к чтению, это поможет вам осмысленно подойти к процессу. В одной книге чаще всего 300-400 страниц. Будем отталкиваться от этого числа.
2. Сначала определите для себя, сколько страниц вы способны прочитать за один час, с учетом того, что вас интересует углубленное чтение. Это зависит от разных факторов, просто отталкивайтесь от своих сил и возможностей. В моем случае это 15 страниц в час.
3. Сегментируйте время обычного дня на утреннее, дневное и вечернее чтение. Многим из нас сложно, например, читать в дневное время, когда мы находимся на работе, учебе или в транспорте, но все же включите дневное время в план хотя бы потенциального чтения.
4. Минимум чтения – это как прием таблеток, по одной странице утром, днем и вечером. Не стоит думать о том, что в таком темпе вам придется читать одну книгу полгода. Чтение само о себе позаботится.
5. Невероятно важен момент концентрации. В обычной жизни мы постоянно находимся под давлением запланированных и не сделанных дел. Это сильно затуманивает мозг, не позволяя нырнуть в содержание книги. В этом случае приходится делать только одно – постоянно тренировать в себе внимание к прочитанному.
6. Не нервничайте и не впадайте в отчаяние, если такие попытки сосредоточить внимание на чтении раз за разом дают сбой. Относитесь

- к этому спокойно и с терпением. Просто не прекращайте попыток до момента, когда у вас получится (а получится обязательно).
7. Когда читаете книгу, не бойтесь упустить важную мысль. Копайтесь в тексте, как будто вы ищете в шкафу потерявшуюся майку.
  8. Когда вы обрели навык читать по странице утром, днем и вечером, попробуйте увеличить чтение до 10 страниц в день. В идеале читать 30 страниц, но пока стоит немного подождать.
  9. Книга в 300 страниц может быть прочитана в сроки от недели до месяца. Не прерывайте чтение на длительный период, иначе навык может пропасть.
  10. Ведите список прочитанных книг, это всегда дает силы и окрыляет.
  11. Делайте небольшие выписки или большие конспекты.
  12. После прочитанной книги нужен перерыв от одного дня до недели, но не больше.

Записка от 24 апреля 2024 года

Пролетарии и нарциссизм

Мои наблюдения приводят меня к одному печальному выводу — пролетариат заслужил свое место в обществе. Эти люди — не люди. Продолжая жить в забытьи бытия, они умудряются смотреть на тебя свысока. Я наблюдал пролетариев в быту. Они лепят из себя ни пойми что. Работая на стройках, в магазинах, складах, от них веет какой-то необъяснимой гордостью. Они ничего не знают и не хотят знать, и это не делает их жизнь труднее, а скорее наоборот. Я не понимаю, как так можно прожить долгую жизнь в тотальном самозабвении. Я всматриваюсь в их лица, в глаза и вижу там удивительное ничто. Может быть, **они агенты небытия в бытии?** Может, они прислужники ничто, цель которых и состоит в убаюкивании людей вокруг себя? Я вижу только одно, что своим равнодушием к бытию они заслуживают лелеемого небытия. Но даже все сказанное не склонит меня на сторону капитала. Человеческая душа — потемки, и я буду считать, что, вероятно, сам в этой истории чего-то не понимаю.

Может ли экзистенция ходить на работу?

Ранее я много писал о своеобразии экзистенциального пролетариата, о его отличии от остальных форм рабочего класса. По сути, экзистенциальный пролетариат можно и должно свести к одному из модусов экзистенции. Видимо, пролетарскость экзистенции — не более чем вера ребенка в чудо фокусов. Мир разыгрывает экзистенцию, вытаскивая из шляпы всегда нового зайца. Перед пролетарием пробегают картинки, не имеющие отношения к существу мира как сущности. В видимости мира и скрывается магическая сила фокусника. Пролетария нужно убедить, что все серьезно. И это выходит всегда, когда экзистенциальная сторона человеческой сущности находится в забвении бытия. Экзистенциальный пролетарий

не может и не обязан работать, иначе он выказывает свою подчиненность созданному собою же страху. Экзистенция перед собою обязана не работать. Секрет в том, что уже лет 30, а то и больше, пролетариата в обычном смысле слова нет. Есть либо экзистенции, либо недоэкзистенции.

Записка от 15 мая 2024 года

Пролетарий и еда

Лучший способ убедиться в том, что пролетарий живет в логике Дарвина, это побывать в рабочей столовой. В шуме вилок, ложек, тарелок и чашек, казалось бы, тебе хватает того, что ты ешь. А вот нет, когда пролетарий в столовой, он поглощен не едой, а едящими людьми. В его взгляде на тебя одновременно злость, любопытство и отвращение. Чем объяснить такое неочевидное внимание к ближнему? Ответ здесь тот, что был и прежде — пролетарий, я имею в виду обычный пролетариат, обладает бедным внутренним миром, а потому его внимание всегда обращено наружу: кто что ест, кто во что одет, кто с кем сидит, о чем и кто говорит, — все это поглощает его слух и зрение. Все бы ничего, если бы это любопытство не портило бы аппетит экзистенции. Не смотрите на то, как едят люди. Им это неприятно.

Записка от 15 июня 2024 года

Пролетарий и сон

Когда участник рыночных отношений работает в три смены, ему приходится подстраивать свой биологический ритм под расписание эксплуататора. Рабочий утром, днем и вечером ходит, как будто пьяный. Мир вокруг рассеивается в серую дымку, сил делать что-то свое уже нет, и лишь две радости наполняют его жизнь — сон и еда. Про еду на рабочем месте мы уже успели поговорить, еда же в домашних условиях скорее напоминает кормежку домашнего скота. Здоровый сон — это свобода; сон от измора — это рабство. Тяжелый сон рабочего может прерваться в любую минуту, а когда сон прерван, уже обратно не уснуть. Ты как будто бы играешь в странную игру — задача обмануть организм и поспать хотя бы пару часов в любое время суток. Хотя рабочее место — это не лучшее место для сна, но, если есть возможность, спать нужно везде. Непосредственный начальник — раб рабов — дрожит только перед своим боссом и плевать хотел на ваше здоровье. Конечно, он давно научился облекать ваше рабство в трудовую этику, но, если у вас осталось хоть немного ума, вы сразу поймете суть вещей. Что происходит с экзистенцией, когда телу не дают отдохнуть? Она вслед за телом становится тяжелой. Рабочий график устроен так, чтобы пролетарий не мог уделить время своему бытию. Любое шатание в сторону свободы капитал расценивает как трусливый побег. Вашу свободу во мгновение ока превращают в ненормальность, а окружающая чернь без колебаний такой расклад сил спокойно принимает. Есть ли выход из тупика постоянного недосыпания? Однозначно ответить сложно, так как любой ответ сопряжен с практикой, а практика демонстрирует, что правило выработать почти невозможно.

Посоветовать можно лишь одно – не входите в состояние забвения бытия, не становитесь к себе равнодушными, тогда и ваша экзистенция не угаснет.
